Глаза Дафны потухли, а рот застыл в беззвучном крике, находящемся где-то между агонией и кульминацией. Она сцепила конечности, прижав себя к Гарри, и даже когда он попытался вырваться, ее потащило вместе с ним. Глаза Гермионы расширились от внезапной паники, вспомнив боль, которую она испытывала даже тогда, когда Гарри был осторожен с ней.

Глубоко вздохнув, Дафна вспомнила, как дышать. "Черт! О, черт!" Она немного отстранилась от Гарри, но когда он попытался вырваться из нее, она вновь усилила хватку. "Не надо! Не двигайся."

Гермиона скорчила гримасу, сжимая подушку. "Ты с ума сошла, Дафна? Ты должна была знать, что произойдет!"

Дафна покачала головой, спрятав лицо на груди Гарри. "Я должна была".

"Зачем?" спросила Гермиона.

Блондинка смахнула слезы. "Я так долго держалась за это, но не ради себя. Ради других. Как и мое тело, оно было не моим, и я презирала его. Я хотела бросить его в огонь. Я хотела, чтобы его не было". Она немного расслабилась, отпустив Гарри. "Я хочу помнить эту боль, как будто я отрезала ее от себя".

Гарри вздохнул, чувствуя себя более чем немного виноватым, несмотря на то, что Дафна подталкивала его к этому.

"Это психическое, Дафна Гринграсс", - прошептала Гермиона.

Дафна кивнула. "Возможно, я была не в своем уме".

"Мы должны остановиться?" спросил Гарри.

"Что? Нет! Мы не можем остановить ритуал сейчас. У меня не будет второго шанса. Иди сюда, Гарри Поттер. Я не хочу останавливаться. До конца. Как мы и договаривались".

"Хорошо." Он снова вошел в нее, держа за одну из ее лодыжек. "Но если ты снова попытаешься причинить себе боль, я свяжу тебя".

К его удивлению, ее киска на секунду прижалась к нему. Она покраснела и обняла себя за грудь, подчеркивая свои внушительные груди. "По одному обещанию за раз, Поттер".

Он ввел их в секс, надеясь, что с неловкостью покончено. Дафна улыбнулась, редко отрывая взгляд от его глаз, за исключением тех моментов, когда она дрожала и мурлыкала от его прикосновений. Вскоре она качала бедрами в ритм с его, задыхаясь, когда он ускорил темп и

перешел на постоянные поглаживающие движения.

Трудно было объяснить эти ощущения. Он не чувствовал сравнения между киской Гермионы и киской Дафны, хотя Дафна показала свою неопытность несколькими способами. Она была тугой, бархатисто-гладкой и пропитанной до глубины души, но Гарри все равно не смог до конца войти в нее, прежде чем дошел до дна, и когда он дошел до конца, лицо Дафны приобрело слегка неприятное выражение. Она ничего не сказала, но Гарри все равно подстроился, чтобы входить в нее под углом, не пробивая ее внутренности.

Дафна ответила благодарным гулом, но приподнялась на руках, уперлась ему в колени и задвигала бедрами. Она взяла его руки и направила их к своей груди, побуждая его ласкать и щипать ее. Ее реакции становились все более желанными и нуждающимися, и она поцеловала его в шею, а затем соединила свой язык с его языком между их губами.

Странно, но Гарри казалось, что он занимается сексом сразу с тремя разными женщинами. Дафна превратилась из ледяной грубиянки в надменную королеву, но, сидя у него на коленях и целуя его медленными, осмысленными жестами, она казалась любящей, ласковой и - осмелился бы он сказать - счастливой.

Она кончила со стоном в его рот, но даже содрогаясь и прижимаясь к нему, она пыталась удержать их любящие объятия. Гарри крепко обнимал ее, не давая шевелиться, пока она спазмировала и выгибалась. На этот раз, однако, он не остановился и не сменил позицию. Он продолжал двигаться в том же темпе, одной рукой обхватив новую молнию на ее грудине, а другой придерживая ее шею.

Глаза Дафны расширились, когда она кончила во второй раз, потом в третий, а может быть, это был просто один продолжительный оргазм, который волнами прокатился по ее телу. В этот момент она теряла рассудок, ее тело грозило взорваться от желания, но она держала себя в руках и цеплялась за Гарри, как за спасательный круг.

Собственная разрядка Гарри начала нарастать на горизонте, как цунами в его сознании. Он попытался предупредить ее, но она увидела его выражение лица и крепко поцеловала его, стенки ее киски сжались на его движущемся члене, подстегивая его к освобождению. Его дыхание перешло в рычание, которое усилилось, когда она внезапно укусила его за лицо, и он издал рев, почувствовав запах крови и укус в челюсть.

Дафна издала крик, который прозвучал почти победно, прижимаясь к нему всем телом и принимая его семя в себя. Член Гарри пульсировал, наполняя ее, даже когда он пришел в себя и убрал зубы с ее плеча, обнажив порванную кожу и темные капли крови, образовавшиеся там. Метка, которую она жаждала.

Они сцепились в бездыханных, беспорядочных поцелуях, ни один из них не обратил внимания на вкус крови другого. Дафна расслабилась, прижавшись к его телу, со слезами на глазах и мечтательной улыбкой. Гарри прижал ее к себе, позволяя ей насладиться моментом.

Гермиона протянула ему палочку, и она сама прыгнула ему в руку. Дафна была настолько

выбита из колеи, что не сразу заметила, что акт высшей магии был совершен так непринужденно, но в тот момент ей было все равно.

"Сделай это", - сказала она. "Сделай меня своей. Освободи меня".

Он сглотнул и коснулся символа на ее теле. "Венефикус".

Дафна снова кончила, когда ее знак засветился зеленым, и она упала на спину. Через несколько секунд ее глаза расфокусировались, и она моргнула. "Где... что?"

"Все в порядке, Дафна", - сказала Гермиона. "Это связь ковена. Он работает".

Гарри тоже почувствовал это, внезапное ощущение присутствия кого-то другого в его подсознании. Он ожидал почувствовать надменную, самоуверенную Дафну, и был немного озадачен, когда ощущаемое им присутствие было таким осторожным.

Дафна Гринграсс действительно больше походила на трех человек: послушная дочь-марионетка, замкнувшаяся в себе, когда, казалось, не было иного выбора, кроме послушания. Ледяную ведьму, сделавшую себя неприступной из желания защиты и свободы. И обиженная, испуганная молодая женщина, которая так отчаянно, отчаянно хотела, чтобы страх и боль прекратились. Чтобы найти способ освободиться или чтобы кто-то увидел ее, человека, и проявил к ней хоть немного сострадания. Отчаянная надежда на то, что в мире есть кто-то, кто не будет относиться к ней как к вещи.

Затем Дафна почувствовала их присутствие и в своем сознании. Ее давняя соперница Гермиона, у которой были любящие и удивительные родители, которые хотели, чтобы она была счастлива. И все же она заставляла себя быть лучшей, быть самой лучшей, потому что боялась, что без своего одаренного ума ей нечего будет кому-то предложить. Только когда Гарри потянулся к ней, не потому что она была гениальной, а потому что он хотел быть ее другом, она поняла, что имеет ценность как личность.

А Гарри, одинокий мальчик, который жил под лестницей, пренебрегаемый своими воспитателями и не желающий ничего на свете, кроме как иметь друзей. Семья. Ничто не имело для него большего значения, чем жизнь, которую многие другие воспринимали как должное. Он ценил то, чего не ценили многие другие. От самых маленьких проявлений любви, за которые даже хорошие люди начинали терять благодарность.

Дафна почувствовала их сострадание, их родственное одиночество и испустила крик страдания. Почувствовав это, Гарри и Гермиона заключили ее в крепкие объятия, и в каком-то смысле это было больнее всего, потому что ее сердце еще никогда не испытывало такого облегчения. Она всхлипнула, чувствуя, как сокрушительное отчаяние, которое она носила в себе годами, сгорает, словно пламя, в тепле их прикосновений.

http://tl.rulate.ru/book/3075/71799